

Александр Сергеевич Пушкин
Пир во время чумы
(из цикла «Маленькие трагедии»)

Улица. Накрытый стол. Несколько пирующих мужчин и женщин.

Молодой человек

Почтенный председатель! я напомним
О человеке, очень нам знакомом,
О том, чьи шутки, повести смешные,
Ответы острые и замечанья,
Столь едкие в их важности забавной,
Застольную беседу оживляли
И разгоняли мрак, который ныне
Зараза, гостя наша, насылает
На самые блестящие умы.
Тому два дня наш общий хохот славил
Его рассказы; невозможно быть,
Чтоб мы в своём весёлом пированье
Забыли Джаксона! Его здесь кресла
Стоят пустые, будто ожидая
Весельчака – но он ушёл уже
В холодные подземные жилища...
Хотя красноречивейший язык
Не умолкал ещё во прахе гроба;
Но много нас ещё живых, и нам
Причины нет печалиться. Итак,
Я предлагаю выпить в его память
С весёлым звоном рюмок, с восклицаньем,

Как будто б был он жив.

Председатель

Он выбыл первый

Из круга нашего. Пускай в молчанье

Мы выпьем в честь его.

Молодой человек

Да будет так!

Все пьют молча.

Председатель

Твой голос, милая, выводит звуки

Родимых песен с диким совершенством;

Спой, Мери, нам уныло и протяжно,

Чтоб мы потом к веселью обратились

Безумнее, как тот, кто от земли

Был отлучен каким-нибудь виденьем.

Мери

(поёт)

Было время, процветала

В мире наша сторона:

В воскресение бывала

Церковь божия полна;

Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,
И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща тёмная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо всё. Одно кладбище
Не пустеет, не молчит.

Поминутно мёртвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой!

Если ранняя могила
Суждена моей весне —
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —

Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей,
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье
Усладить и отдохнуть.
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Председатель

Благодарим, задумчивая Мери,
Благодарим за жалобную песню!
В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и доли ваши посетила,
И раздавались жалкие стенанья
По берегам потоков и ручьев,
Бегущих ныне весело и мирно
Сквозь дикий рай твоей земли родной;
И мрачный год, в который пало столько
Отважных, добрых и прекрасных жертв,
Едва оставил память о себе
В какой-нибудь простой пастушьей песне,
Унылой и приятной... Нет, ничто

Так не печалит нас среди веселий,
Как томный, сердцем повторённый звук!

Мери

О, если б никогда я не певала
Вне хижины родителей моих!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себе я, кажется, внимаю,
Поющей у родимого порога.
Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Луиза

Не в моде
Теперь такие песни! Но всё ж есть
Ещё простые души: рады таять
От женских слёз и слепо верят им.
Она уверена, что взор слезливый
Её неотразим – а если б то же
О смехе думала своём, то, верно,
Всё б улыбалась. Вальсингам хвалил
Крикливых северных красавиц: вот
Она и расстоналась. Ненавижу
Волос шотландских этих желтизну.

Председатель

Послушайте: я слышу стук колёс!

Едет телега, наполненная мёртвыми телами. Негр управляет ею.

Ага! Луизе дурно; в ней, я думал,
По языку судя, мужское сердце.
Но так-то – нежного слабей жестокий,
И страх живёт в душе, страстями томимой!
Брось, Мери, ей воды в лицо. Ей лучше.

Мери

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Луиза
(приходя в чувство)

Ужасный демон
Приснился мне: весь чёрный, белоглазый....
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мёртвые – и лепетали
Ужасную, неведомую речь....
Скажите мне: во сне ли это было?
Проехала ль телега?

Молодой человек

Ну, Луиза,
Развеселись – хоть улица вся наша
Безмолвное убежище от смерти,

Приют пиров, ничем невозмутимых,
Но знаешь, эта чёрная телега
Имеет право всюду разъезжать.
Мы пропускать её должны! Послушай,
Ты, Вальсингам: для пресечения споров
И следствий женских обмороков спой
Нам песню, вольную, живую песню,
Не грустию шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую песнь,
Рожденную за чашею кипящей.

Председатель

Такой не знаю, но спою вам гимн
Я в честь чумы, – я написал его
Прошедшей ночью, как расстались мы.
Мне странная нашла охота к рифмам
Впервые в жизни! Слушайте ж меня:
Охриплый голос мой приличен песне.

Многие

Гимн в честь чумы! послушаем его!
Гимн в честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

Председатель

(поёт)

Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведёт сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
Навстречу ей трещат каминь,
И весел зимний жар пиров.

* * *

Царица грозная, Чума
Теперь идёт на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой....
Что делать нам? и чем помочь?

* * *

Как от проказницы Зимы,
Запрёмся также от Чумы!
Зажжём огни, нальём бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

* * *

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане,

Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

* * *

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

* * *

Итак, — хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твоё призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьём дыханье, —
Быть может... полное Чумы!

Входит старый священник.

Священник

Безбожный пир, безбожные безумцы!
Вы пиршеством и песнями разврата
Ругаетесь над мрачной тишиной,
Повсюду смертью распространенной!

Средь ужаса плачевных похорон,
Средь бледных лиц молюсь я на кладбище,
А ваши ненавистные восторги
Смущают тишину гробов – и землю
Над мёртвыми телами потрясают!
Когда бы стариков и жён моленья
Не освятили общей, смертной ямы, —
Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

Несколько голосов

Он мастерски об аде говорит!
Ступай, старик! ступай своей дорогой!

Священник

Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!

Председатель

Дома

У нас печальны – юность любит радость.

Священник

Ты ль это, Вальсингам? ты ль самый тот,
Кто три тому недели, на коленях,
Труп матери, рыдая, обнимал
И с воплем бился над её могилой?
Иль думаешь, она теперь не плачет,
Не плачет горько в самых небесах,
Взирая на пирующего сына,
В пиру разврата, слыша голос твой,
Поющий бешеные песни, между
Мольбы святой и тяжких вздыханий?
Ступай за мной!

Председатель

Зачем приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не должен
Я за тобой идти: я здесь удержан
Отчаяньем, воспоминаньем страшным,
Сознанием беззаконья моего,
И ужасом той мёртвой пустоты,
Которую в моём доме встречаю —
И новостью сих бешеных веселий,
И благодатным ядом этой чаши,
И ласками (прости меня, господь)
Погибшего, но милого созданья...
Тень матери не вызовет меня
Отселе, — поздно, слышу голос твой,
Меня зовущий, — признаю усилья

Меня спасти... старик, иди же с миром;
Но проклят будь, кто за тобой пойдёт!

Многие

Bravo, bravo! достойный председатель!
Вот проповедь тебе! пошёл! пошёл!

Священник

Матильды чистый дух тебя зовёт!

Председатель
(встаёт)

Клянись же мне, с поднятой к небесам
Увядшей, бледною рукой – оставить
В гробу навек умолкнувшее имя!
О, если б от очей её бессмертных
Скрыть это зрелище! Меня когда-то
Она считала чистым, гордым, вольным —
И знала рай в объятиях моих...
Где я? Святое чадо света! вижу
Тебя я там, куда мой падший дух
Не достигнет уже...

Женский голос

Он сумасшедший, —
Он бредит о жене похоронённой!

Священник

Пойдём, пойдём...

Председатель

Отец мой, ради бога,

Оставь меня!

Священник

Спаси тебя господь!

Прости, мой сын.

Уходит. Пир продолжается. Председатель остается, погруженный в глубокую задумчивость.